

Т.В. Матвеева

*Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МИФОЛОГЕМ В СКАЗОЧНЫХ ТЕКСТАХ

Работа посвящена исследованию архетипического пространства волшебной сказки, коррелирующего с мифомышлением первобытного фольклора. Мифологема определяется как многослойная и многомерная структура мифологического континуума. В данном случае мифологема «дом» и «лес» выступают как пространственные маркеры сказочного мира.

Ключевые слова: сказочный универсум, мифологема, локальный маркер, архетипическая оппозиция, пространство.

The paper deals with the study of archetypal field of magic fairytale, correlative with mythological thought of primeval folklore. Mythologem is defined as multilayer and multidimensional structure of mythological continuum. In this case the mythologemes «house» and «wood» as the spatial markers of the fairy tale are represented.

Key words: fairy-tale universe, mythologem, local marker, archetypal opposition, space.

Сказочный универсум характеризуется фантастической сущностью, связанной с мифологическими представлениями первобытного фольклора, это способ первобытного мышления, бессознательное, естественное отражение мира человеком. Мифомышление сохраняет древнейшие формы восприятия мира в их синкретизме, отождествляет микро- и макрокосм, несет в себе идею циклического возрождения.

Основанная на вымысле волшебная сказка реализуется в языке посредством системы архетипов, символов, персонажей, семантических полей и пространств. Ю.Л. Шишова разграничивает понятия архетип и мифологема, относя архетип к области психологических ролевых образов (по К. Юнгу), а понятие мифологема связывает с прототипическими субъектно-объектными и межсубъектными ситуациями, имеющими социальную природу [7, с. 142]. Мифологему можно представить как многоуровневый структурированный набор элементов, каждый из которых обозначает тот или иной аспект мифа как единого когнитивного целого. Мифологема как динамические составляющие мифологического времени задают многослойную и многомерную структуру мифологического континуума. Они маркируют выходы в различные пространственно-временные плоскости эксплицитно, через мифонимы, и имплицитно [2].

Среди базовых мифологем главной, без сомнения, является мифологема «своего» и «иного» мира. Представление о двух мирах формируется во многом благодаря известным частным оппозициям «правый»/«левый», «верх»/«низ», «восток»/«запад», «мужской»/«женский» и т.д. Известно, что мифологическое пространство представлялось

многослойным и сакрально неоднородным. Дом как разновидность пространства часто ассоциируется со «своим» пространством, отгороженным от внешнего мира. Он как связующее звено в общей картине мира: с одной стороны, дом принадлежит человеку, с другой, связывает человека с внешним миром [4, с. 234-235]. По мнению Т. В. Цивьян, дом – не столько описание жилища, сколько центр своего мира, замкнутое, защищающее пространство, обеспечивающее при этом выход во вне и контакты с внешним миром [6, с. 10].

Пространство в волшебных сказках представляет важную составляющую сюжета. В прагматике пространства важную роль играют понятия «здесь» и «там»: они моделируют положение говорящего и слушающего по отношению друг к другу. Бинарность – одна из существенных особенностей структуры сказки, использование дуализма и опора на оппозиции в высшей степени свойственны человеческой культуре, мышлению и языку. С точки зрения структурного подхода особое значение имеет открытие известным фольклористом В. Я. Проппом парности (бинарности) большинства функций действующих лиц в волшебной сказке (недостача – ликвидация недостачи, запрещение – нарушение запрета, борьба – победа и т.д.). Отношения героя и вредителя-антагониста строятся обычно на оппозиции свой – чужой, проецированной на различные плоскости: дом – лес (ребенок – баба-яга), наше царство – иное царство (молодец – змей), родная семья – неродная семья (падчерица – мачеха) [5, с. 235]. Эти примеры чисто семантического анализа, который основан на вычленении оппозиций, лежащих в основе сказочных представлений и соответствующей им модели мира.

Зачастую в сказках пространственные мифологемы «дом» и «лес» противопоставляются друг другу. Так, например, в сказке Братьев Гримм «Hänsel und Gretel» ярко и многообразно проявляется дихотомия «дом – лес», характеризующаяся частотностью употребления лексем *Wald* и *Haus*. Сказка начинается так:

Vor einem großen Walde wohnte ein alter Holzhacker mit seiner Frau und seinen zwei Kindern; das Bübchen hieß Hänsel und das Mädchen Gretel (Grimm, [8, с. 77]. – *Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку – Гретель* [1, с. 51].

Так, уже в зачине сказки наличествует локальный указатель *vor einem großen Walde*, называющий место, где живут главные герои. Данный локус можно считать пограничной зоной, границей между «своим миром» и «иным». Помимо доминирующей в тексте сказки базовой мифологемы «своего» и «чужого» мира, эксплицируемой частными мифологемами «Wald»/«Haus» («дом»/«лес»), можно выделить соответствующие им бинарные оппозиции: Kind/Hexe (ребенок/ведьма), Stiefmutter/Kinder (мачеха/дети).

В ряду общей пейзажной символики важное место в мифах, легендах и сказках отводится лесу. Рассматривая функциональную роль леса, В.Я. Пропп отмечает: «Лес в сказке вообще играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев» [5, с. 151]. «Лес» как локальный маркер неизменно связан с обрядами. Например, обряд посвящения производился именно в лесу, так как лес давал возможность производить обряд тайно, он скрывал мистерию, т.е. лес окружает иное царство, а дорога в иной мир ведет сквозь лес. Обратимся к следующему примеру:

Sie gingen die ganze Nacht und noch einen Tag von Morgen bis Abend, aber sie kamen aus dem Walde nicht heraus... Nun war's schon der dritte Morgen, daß sie ihres Vaters Haus verlassen hatten. Sie fingen wieder an zu gehen, aber sie gerieten immer tiefer in den Wald, und wenn nicht bald Hilfe kam, so mußten sie verschmachten [8, с. 80]. – Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли... Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил [1, с. 53].

В данном пассаже четко прослеживается заявленная оппозиция свой/чужой посредством мифологем «Wald»/«Haus» (дом/лес). Наряду с этим подчеркивается длительное нахождение героев в локусе, эксплицирующем «иной мир», при этом акцент делается на характеристике леса, который словно сеть затягивает персонажей сказки все глубже и глубже: *sie gerieten immer tiefer in den Wald*.

Как известно, все люди, имеющие контакт с иными мирами, располагаются и в мифологии, и в фольклоре, и в литературе на границе своего пространства: на окраине села, города, на опушке леса, на берегу моря и т.д. За чертой поселения должны жить в деревне колдун, мельник, кузнец, в средневековом городе – палач. «Нормальное» пространство имеет не только географические, но и временные границы. За его чертой находится ночное время. К колдуну, если он требуется, приходят ночью. В антипространстве живет разбойник: его дом – лес (антидом), его солнце – луна, он говорит на анти-языке, осуществляет анти-поведение (громко свистит, непристойно ругается), он спит, когда люди работают, и грабит, когда люди спят, и т.д. [3, с. 189]. Иллюстрацией могут послужить следующие пассажи из сказки «Jorinde und Joringel» («Йоринда и Йорингель»):

Es war einmal ein altes Schloß mitten in einem großen, dicken Wald, darinnen wohnte eine alte Frau ganz allein, das war eine Erzzauberin [8, с. 315]. – Стоял когда-то в большом и глухом лесу старый замок, и жила в том замке только одна старуха, и была она самая большая колдунья [1, с. 218].

Nun war die Sonne unter; die Eule flog in einen Strauch, und gleich darauf kam eine alte, krumme Frau aus diesem hervor, gelb und mager; große rote Augen, krumme Nase, die mit der Spitze ans Kinn reichte [8, с. 316]. – Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чашу, и вышла тотчас оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глазища, нос крючком до самого подбородка [1, с. 219].

Как мы видим из первого пассажа, отрицательный сказочный персонаж *eine Erzzauberin* (колдунья) находится в антипространстве: *in einem großen, dicken Wald* (в большом и глухом лесу). Как и положено, с антигероем связаны соответствующие атрибуты: темное время суток (*die Sonne war unter*), сова как символ волшебного и таинственного (*die Eule*). Показателем «иног», «анти» служит также описание героини: *eine alte, krumme Frau, gelb und mager; große rote Augen, krumme Nase, die mit der Spitze ans Kinn reichte*.

Таким образом, вычленение оппозиций, лежащих в основе сказочных представлений и соответствующей им модели мира, а также мифопоэтические представления о пространстве находят свое воплощение в ряде пространственных мифологем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гримм Я. и В.* Сказки. Пер. с нем Г. Петникова. М.: Худож. лит., 1978. 509 с.
2. *Иванова Ю.А.* Архетип и мифологема. [Электронный ресурс]. «Категория мифологического времени в современном романе-мифе (на примере романа Джеймса Джойса «Улисс»)». URL: [/http://www.james-joyce.ru/articles/kategoriya-mifologicheskogo-vremeni6.htm](http://www.james-joyce.ru/articles/kategoriya-mifologicheskogo-vremeni6.htm) (дата обращения: 18.01.2014).
3. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
4. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. Пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2005. 256с.
5. *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.). М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
6. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
7. *Шишова Ю.Л.* К определению понятия мифологема // Современные проблемы теории языка: сб. ст./ Под ред. И. Б. Руберт, Ю.А. Ивановой. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
8. *Grimm Brüder.* Kinder- und Hausmärchen. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1967. 788 S.